

О КАТЕГОРИИ «СРЕДНИЙ КЛАСС»

Левинсон А.Г., к.иск., руководитель отдела социокультурных исследований Аналитического центра Ю. Левады

Автор отмечает, что в России на протяжении XVIII–XX вв. понятие «средний класс» или «средние слои» применялось к разным социальным группам и потому включает как позитивные, так и негативные коннотации. Сегодня в обществе и общественных науках одновременно существуют представления о наличии и увеличении среднего класса и о его сокращении или полном отсутствии. Приходится признать одновременно наличие категории населения, к которой извне применяют название «средний класс», и значительное отличие многих социальных характеристик этой категории от того, что в европейской и американской общественной практике называют «средним классом». У этой группы нет ни соответствующей идеологии, ни соответствующей этики, ни соответствующей политической позиции. По весу в обществе она является не большинством, а меньшинством. Более того, она не является гарантом политической стабильности, напротив, она ждет ее от власти. Главными же конститутивными признаками этой категории оказываются определенные тип и уровень потребления. Вот они-то в значительной степени походят на потребительское поведение среднего класса в развитых странах Европы и Америки.

Российский средний класс начал формироваться в 1990-х гг. из возникавшего слоя мелких и средних предпринимателей, а также менеджеров крупных компаний, пришедших в Россию в это время. Далее рост этой составляющей прекратился, но к этой группе в увеличивающемся количестве стали присоединяться государственные служащие, чьи заработки существенно возросли в 2000-е гг. и позволили им осуществлять потребление по тем же моделям и на том же уровне, что и удачливым предпринимателям и менеджерам крупных фирм. Вливание в средний класс этих бюрократических элементов повлияло и на его воззрения, которые в целом стали близки воззрениям государственных служащих.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В России ни одна социальная категория не привлекала к себе за последние десятилетия столько общественного внимания, сколько средний класс. К нему проявили интерес и социологи, и журналисты, и политики. Сам факт этого интереса, во-первых, несомненен, во-вторых, заслуживает внимания и интереса сам по себе, ведь по поводу самого существования среднего класса или применимости этого понятия к российским социальным реалиям ведутся дискуссии.

Взлет интереса к проблематике среднего класса в политических кругах, как показывают наблюдения начиная с поздних 1980-х гг., обычно приходится на период, когда у властвующих появляются самые ранние предчувствия кризиса как угрозы достигнутому ими положению в общественной иерархии, а у оппозиции в связи с этим возникают надежды на возможные общественные перемены в же-

лательную для нее сторону. При этом для первых средний класс представляется той социальной опорой, которая выступит гарантом стабильности и, значит, неизбежности достигнутого ими положения, а для вторых — социальной базой либерального политического строя или хотя бы стимулятором шагов в этом направлении. Подобное оживление интереса к среднему классу случалось не менее, чем трижды за эти времена, и ни разу средний класс или те группы, к которым прилагали такое название, не оправдали надежд ни одной из упомянутых сторон. Опыт, однако, не сумел пересилить ни консервативные, ни либеральные расхожие политические убеждения; упования на средний класс продолжают сохраняться. Собственно говоря, уже отмеченные выше тенденции сомневаться в существовании российского среднего класса или просто отрицать его наличие являются составной — только со знаком минус — частью этого комплекса.

Помимо политиков интересантами в проблеме среднего класса являются те, для кого это рынок, источник платежеспособного спроса — производящие и торгующие фирмы. Их обслуживают маркетинговые и рекламные агентства, для которых и на средства которых в свою очередь действуют агентства по исследованиям рынка и общественного мнения (в нашей стране их часто именуют социологическими). Представители последних в качестве одной из наиболее заинтересованных сторон также участвуют в дискуссиях о среднем классе. Приходилось в связи с этим отмечать, что в этой среде те, кто более занят исследованиями общественного мнения и обслуживанием прежде всего политических субъектов, чаще занимают скептические позиции по поводу существования среднего класса и если признают его наличие в России, то говорят о его малоразвитости, ущербности. Специалисты же, обслуживающие преимущественно заказчиков из сферы маркетинга, рекламы, вообще бизнеса, напротив, склонны подчеркивать бурный рост этой социальной группы в России, активны и динамичность ее (потребительского) поведения, ее выход на ведущие роли в российской общественной жизни.

В подобных обстоятельствах вопрос об определении среднего класса, о критериях этого определения перестает быть собственно академическим, чисто научным. Отсутствие согласия в среде российских социологов по поводу не только определений, но и самих подходов к определению среднего класса¹ отражает, таким образом, не недостаточную изученность предмета², а тот факт, что категория «средний класс» включена в конфликтующие между собой дискурсы.

Мы не претендуем на то, чтобы настоящей статьёй разрешить все споры и найти ответ на обсуждаемые вопросы. Однако нам кажется полезным для идущей дискуссии предложить свою точку зрения на проблему среднего класса, добавив к этому свидетельства, которые получены из опросов общественного мнения в России и из групповых дискуссий с теми, кто собственно считается представителями среднего класса.

¹ В связи с этим характерно заявление, сделанное на научной конференции, проводившейся Левада-центром в начале 2009 г., о том, что насчитывается 12 способов определения среднего класса. Определений культуры в антропологии и социологии во много раз больше, но они делаются не в прикладных дисциплинах, и к ним не предъявляют требований операциональности.

² Собственно, только средний класс и может считаться хоть как-то изучаемым и изученным элементом социальной структуры российского общества. При поистине тектонических изменениях в этой структуре, ни уходящие классы (рабочие, крестьянство), ни новые — буржуазия, менеджерский класс, ни, наконец, пережившая все перемены бюрократия специального внимания и систематического исследования в современной отечественной науке почти не получают. Положения дел не меняют особняком стоящие работы Т. Заславской по динамике социальной структуры общества в целом или исследования О. Крыштановской по динамике элит. Характерно, что и в трудах НИСП — при их несомненной глубине и результативности — изучаются социальные проблемы, а не социальные группы. Лишь средний класс составил исключение, да и то, по-видимому, потому, что исследователи чувствовали, что это скорее проблема, чем группа.

МНЕНИЯ ПУБЛИКИ. «СУБЪЕКТИВНЫЙ СРЕДНИЙ КЛАСС»

Дискуссия среди специалистов по поводу среднего класса — имеет место такое социальное образование в нашем обществе или нет, если да, то каков его масштаб, значимость и пр. — находится в определенном соотношении с совокупностью мнений на этот счет в массовом сознании. Природа этого соотношения сложна. В одних случаях массовое сознание очень сильно расходится с профессиональным, экспертным.

В других оно на удивление близко подходит к нему. Но особый интерес представляет группа случаев, когда позиция различных социальных групп демонстрирует те же векторы, что и экспертное сознание.

Специалисты НИСП в своем образцовом исследовании по среднему классу [Средние классы в России..., 2003] приняли решение использовать в качестве одного из критериев самооценку индивида. Они указывают, что «общеизвестной методологической проблемой является в этом случае определение самого понятия, с которым происходит самоидентификация респондента: ему предлагается либо определить свою причастность к определенному социальному слою (в нашем случае к среднему классу), либо найти свое место на шкале, стратифицирующей положение индивида в обществе. Мы избрали второй вариант, имея в виду, что средний класс еще не стал однозначным общеупотребительным понятием, которым оперирует массовое сознание».

Основательность только что приведенного соображения весьма велика. Подтверждением этого, на первый взгляд, могут служить результаты опросов общественного мнения, проводимых Левада-центром.

В исследованиях Левада-центра регулярно задаются вопросы респондентам о том, к какому социальному слою они себя относят. Подавляющее большинство зачисляет себя в «средние слои». Эксперимент с заменой слова «слой» на слово «класс» показал, что влияние существительного очень мало. Основным дифференцирующим признаком оказывается тот, который выражен прилагательным. То подавляющее большинство населения, которое отнесло себя к среднему классу, составленному из «нижнего среднего», «среднего среднего» (наиболее массового) и «верхнего среднего», эксперт Левада-центра Л. А. Хахулина назвала «субъективным средним классом»³. Для примера приведем результаты такого самоотнесения на апрель 2009 г.

Таблица 1. К какому из следующих слоев вы отнесли бы себя и свою семью?

Ответ	Доля выбравших (в %)
1. Высший слой	1
2. Верхняя часть среднего слоя	2
3. Средняя часть среднего слоя	46
4. Нижняя часть среднего слоя	37
5. Низший слой	14

Как видим, получаются в известной степени конфузные результаты. В «субъективный средний класс» записывается 85% взрослого населения РФ.

³ В работах НИСП имя «субъективный средний класс» присваивается категории, которая образуется путем интерпретации того, какое положение на интервальной шкале социального статуса указывает респондент. В случае выбора на номинальной шкале («нижний средний», «средний средний» и т. п.) субъективность респондента является, так сказать, прямой. Это он (она), а не интерпретирующий его другие ответы исследователь относит себя к данному классу/слою.

Если этот признак и считать главным или единственным, то Россия оказывается в одном ряду с самыми богатыми и процветающими обществами западного мира. Наметки по численности среднего класса, сделанные руководством страны на 2020 г., в этом случае оказываются далеко перекрытыми уже сейчас... При этом нам известно, что среди российских экспертов при всех различиях их подходов большинство полагает, что средний класс составляет 15–20%, но уж никак не превышает трети населения. Напрашивается, как говорилось, вывод, что профанные позиции совершенно не совместимы с экспертными.

Но дело, конечно, в том, что понятие «средний класс», которым пользуются в этом случае респонденты, имеет совсем не тот смысл, который вкладывают в это понятие исследователи. Помочь в выявлении этого «народного» понимания среднего класса/слоя помогают результаты специального исследования, проведенного Левада-центром в начале 2009 г.⁴

Таблица 2. Каковы, по вашему мнению, основные признаки среднего класса? (разрешалось выбрать несколько ответов, ответы даны в порядке убывания частот)

Ответ	Доля выбравших (в %)
Довольно высокий уровень доходов	38
Это наиболее массовый слой населения со средними характеристиками доходов и типичными культурными запросами и характером потребления	31
Определенный характер работы/занятий	26
Определенный уровень потребления/тип потребительского поведения	22
Довольно высокий уровень образования	19
Довольно высокий уровень культурных запросов	15
Определенные политические интересы/уровень политической активности	7
Затрудняюсь ответить	7

Итак, массовое сознание содержит сильную тенденцию (31%, второе место) приравнять средний класс к той категории, которая зовется «все». Отметим, что среди лиц с высшим образованием такая трактовка понятия «средний класс» поддерживается более, чем третью опрошенных (36%, второе место), среди такой социальной группы, как домохозяйки, именно эта трактовка оказывается главной (45%, первое место).

Однако в целом народное мнение ведущим критерием для определения среднего класса считает тот, который используется и некоторыми носителями специализированного знания и интереса, в частности, некоторыми заказчиками исследований Левада-центра по среднему классу. Этот критерий — «довольно высокий уровень доходов» (38%, первое место). Здесь массовое сознание явно расстается с трактовкой слова «средний» в смысле «среднего арифметического», «наиболее распространенного», «такого, как у большинства». Средний класс — это люди с доходами **выше** средних, так заключает массовое мнение⁵.

Из ответов россиян привлекает внимание наименее массовый. У всех без исключения социальных групп и категорий, охватываемых массовым опросом,

⁴ Опрос методом личного интервью по месту жительства по репрезентативной выборке взрослого населения РФ, n = 1600, январь 2009 г.

⁵ Наиболее активно эту позицию защищает категория лиц с высшим образованием (48%, первое место). Интересно, что свой конститутивный признак — «довольно высокий уровень образования» эта категория считает куда менее значимым для причисления (себя) к среднему классу (25%, пятое место). Не менее интересно, что эта социальная категория и потребление как признак принадлежности к данному классу ценит выше, чем публика в целом (30%, третье место). Еще интереснее, что «довольно высокий уровень культурных запросов», который, казалось, был бы ее важным преимуществом, она ценит не более, чем публика в целом (15%, предпоследнее место), и ниже, чем люди со средним образованием (19%).

политические интересы и уровень политической активности рассматриваются в последнюю очередь как возможные отличительные признаки среднего класса. Точнее надо сказать так: считать, что средний класс — это определенная политическая позиция, что он — обладатель значимого политического потенциала, что он носитель определенного политического интереса, значит быть представителем странного меньшинства, маргинальной группы. Среди предпринимателей она так мала, что находится уже ниже границ статистической достоверности (2%). В среде руководителей и специалистов такое мнение представляют 9%, но все равно оно высказывается реже всех остальных.

Описанный выше результат опроса показывает, что российское общество сильно расходится в своих ожиданиях с теми политиками, которые возлагают серьезные надежды на то, что нынешний средний класс «скажет свое слово» и либо (по одной версии) серьезно укрепит позиции существующей власти, либо (по другой версии) заставит режим меняться в сторону либерализации.

Теперь рассмотрим, как в широкой публике решается дискутируемый в научных кругах вопрос о численности и самом существовании среднего класса.

В ходе регулярного опроса задавался вопрос о том, существует ли в России средний класс и если да, то какую долю населения страны он составляет. Вот распределение ответов по выборке в целом.

Таблица 3. Существует ли в России средний класс и если да, то какую долю населения он составляет?

Ответ	Доля выбравших (в %)
50% населения страны или более	18
Примерно 40% населения страны	9
Примерно 30% населения страны	16
Примерно 20% населения страны	16
10% населения страны или менее	13
В России сейчас нет никакого среднего класса	12
Не знаю, что это такое	8
Затрудняюсь ответить	8

Из вышепредставленных данных можно заключить, что в существовании подобного класса уверены три четверти россиян. Однако согласия в обществе по поводу размеров и значительности этого социального субъекта не наблюдается. Примечательно, что мнения на этот счет оказываются в существенной зависимости от социального статуса отвечающих, а еще сильнее — от готовности отнести себя к среднему классу.

Повторим, что среди экспертов большинство полагает, что средний класс в современной России составляет до четверти либо трети населения. Поэтому сильного превышения оценки как проявления некомпетентности можно было бы ожидать от наименее грамотной части населения. Однако среди лиц с неполным средним образованием предельно завышенную оценку (средний класс составляет 50% и более) дают 15%, а среди лиц с высшим образованием — 25%. Эти и другие данные позволяют считать, что мы имеем дело не с компетентностью или ее отсутствием, а с идентификацией и ее проекциями. В самом деле, среди беднейших групп, которые в наименьшей степени склонны относить себя к среднему классу, резко завышенную оценку дают 13%, отрицают существование среднего класса 15%, среди наиболее зажиточных резко завышенную оценку дают почти вдвое чаще (22%), а отрицают существование «своего» класса — вдвое реже (7%).

Вот наиболее контрастные примеры — ответы предпринимателей и ответы пенсионеров.

Таблица 4. Существует ли в России средний класс, и если да, то какую долю населения он составляет?

Ответ	Доля выбравших (в %)	
	предприниматели	пенсионеры
50% населения страны или более	26	9
Примерно 40% населения страны	24	7
Примерно 30% населения страны	15	17
Примерно 20% населения страны	11	14
10% населения страны или менее	17	9
В России сейчас нет никакого среднего класса	3	14
Не знаю, что это такое	2	18
Затрудняюсь ответить	2	12

Среди предпринимателей относят себя к среднему классу 53%, а среди пенсионеров — 15%. Полагают, что средний класс включает 40% и более среди предпринимателей — 50%, а среди пенсионеров — 16%. Напротив, дают ответы, что такого класса нет или не знают, что это такое, или затрудняются ответить (в сумме) среди предпринимателей 7%, среди пенсионеров — 44%.

Оценки, как видим, в основном резко расходятся. В этой связи стоит обратить особое внимание на зону максимальной близости оценок. Эта зона — оценка мощности среднего класса в 30% (разница в 2 п.п.) и 20% (разница в 3 п.п.). Во мнениях о том, что средний класс составляет 20–30% населения страны сходятся, таким образом, по 20–30% респондентов, входящих в эти крайние группы. Добавим, что и в населении в целом, а также в большинстве социально-демографических групп мы наблюдаем примерно такую же картину. Иначе говоря, в обществе помимо разделяемого большинством мнения, что средний класс и есть это большинство, существует согласие меньшинства размером в четверть или треть о таких же — четверть или треть — размерах среднего класса. Это мнение, как мы говорили, близко подходит к оценкам, даваемым значительным числом экспертов. Наконец, есть еще менее значительное меньшинство, которое занимает крайние позиции и отрицает существование среднего класса или саму постановку вопроса о нем. У этого меньшинства есть свои подопытия в экспертном сообществе.

По данным опроса, с мнением тех экспертов, которые полностью отказывают российскому среднему классу в праве на существование, согласны 15% среди лиц старше 55 лет (и 10% среди лиц моложе 25 лет), 15% среди наименее зажиточных (и 7% среди наиболее богатых), но также 15% среди высокообразованных (7% среди имеющих неполное среднее образование). Максимум поддержки это мнение имеет среди руководящих работников (19%). Иначе говоря, это население, которое по уровню образования и статусу в прошлые времена могло претендовать на принадлежность к среднему классу. Ныне же, когда, по их собственному мнению, главный пропуск в средний класс — это деньги, а у этой части аудитории их не хватает, они оказались отсечены от среднего класса и предпочли в таком случае позицию «В России сейчас нет никакого среднего класса».

В ходе исследования Левада-центра, о котором идет речь, вопрос, относят ли себя респонденты к среднему классу, задавался после того, как выяснялись основные признаки этого класса. Самоотнесение в этом случае — после того как респонденты были вынуждены рефлексировать многие социальные обстоятельства — оказывалось втрое менее активным, чем в описанном выше случае с «субъективным средним классом»: теперь к среднему классу «определенно» отнесли себя 5%, а «скорее» — 27%.

Итого, «субъективный средний класс–2» — это треть взрослого населения страны. На начало 2009 г. он насчитывал 33%.

Для того чтобы объяснить, почему в массовом сознании сосуществуют и расширительная, и суженная версии самоотнесения к среднему классу, вспомним, что в современном русском языке, как и в ряде других, слово «средний» в применении к социальному слою и классу может значить «находящийся между высшим и низшим», а в применении к человеческому типу и к людям имеет, в частности, значение «наиболее распространенный», «такой, как все». За этой омонимией стоит — и мешает просто решить вопрос разведением двух значений — своего рода социальная тяжба. Она связана с ответом на вопрос, какой социальный субъект является авторитетом, источником социальной нормы. Ответов на этот вопрос социальная культура нашего общества дает именно что два. Один гласит, что норму задает большинство, «народ», «все». Эта норма императивна для меньшинств, для «остальных». В рамках такой трактовки принадлежать к средним значит иметь возможность претендовать на доминантные позиции в обществе или по меньшей мере быть защищенным от возможной критики и ответственности за свои действия оправданием, что поступал или жил, как все.

Как известно, такая трактовка нормы существует не только в массовом сознании и популистской риторике политиков. Общество, народ, большинство признаются носителем и источником нормы и права в основополагающих юридических документах, начиная с Основного закона. Определяемый как «демократия большинства» этот принцип для многих и является выражением собственно демократии.

В наличной политической культуре имеется, однако, и представление о «демократии меньшинства», которое признает за меньшинством автономию и право на собственную трактовку нормы или собственную норму. В ряде случаев некое меньшинство может быть признано авторитетом и источником нормы для большинства. В массовом сознании эта последняя (так сказать, аристократическая) трактовка вполне уживается с первой. Не менее широко, чем идея о правоте большинства, распространено в народе же представление о том, что некоторое (просвещенное, ответственное) меньшинство не только может, но и должно учить, наставлять, воспитывать, держать в рамках большинство, то есть предлагать ему свою норму, свое представление о мире и его устройстве.

Идея о правах и миссии такого просвещенного меньшинства, как известно, является конститутивной для идеологии российской интеллигенции. Исследования же среднего класса показывают, что в той мере, в какой определенная социальная группа в нашем обществе признает себя средним классом как особой категорией, особым меньшинством, она, если не отождествляет, то, безусловно, связывает себя, хотя бы генетически, с интеллигенцией. Напомним, что в прошлом рефлектировавшая по этому поводу интеллигентская мысль бывала этой ролью меньшинства как горда, так и смущена. Идеологический популизм и идея примата «народа» рождались в этой среде, а не в народе⁶.

⁶ Продолжить это рассуждение можно было бы указанием на то, что, подобно тому, как все письменные высказывания об интеллигенции исходят лишь от нее же как от образованного сословия, исторически все рассуждения и построения относительно среднего класса (включая данное) с необходимостью делаются именно представителями среднего класса. Эти высказывания и рассуждения варьируют от социально-эгоистических через социально-альтруистические до самоотрицающих. В заключение обратим внимание на то, что наиболее резкие суждения с принципиальным отказом среднему классу в существовании в нашем обществе следуют отсюда же, откуда и наиболее решительные заявления о том, что интеллигенции в нем более нет. (Как и в отношении вопроса о среднем классе, мы считаем более важным не оспорить эти позиции или присоединиться к ним, а указать на сам факт и неслучайность их существования в соответствующей парадигме.)

Мы завершаем этот раздел, посвященный дебатам относительно термина «средний класс», его определения и наполнения⁷. Есть основания утверждать, что с течением времени предмет дискуссии все более и более теряет определенность. Словосочетание из термина превратилось в социальный ярлык и далее в штамп, мелькающий в выступлениях политиков и в СМИ. Растет число пользующихся этим понятием и растет число тех, кто не видит ни оснований, ни пользы от его применения.

Неопределенность категории «средний класс», существовавшая в те поры, когда нам приходилось проводить первые исследования на эту тему (в 1990-е гг.), к нынешнему моменту существенно увеличилась. И надо подчеркнуть, что рост этой неопределенности есть лишь в малой мере результат отмеченных выше дискуссий, а в основном это результат серьезных социальных процессов, идущих в российском обществе (о них будет сказано ниже). В силу названных причин вопрос об идентичности среднего класса приобретает двойную сложность: он оказывается вопросом и объекта, и субъекта исследования, т.е. проблематичным является как отнесение целевой группой себя к среднему классу, так и готовность исследователя применять или не применять к ним такое определение.

Высказываемые рядом специалистов принципиальные сомнения в наличии среднего класса и в целесообразности исследований на эту тему не отменяют того факта, что подобные исследования заказываются и проводятся в прикладных целях. Сомнения не отменяют исследования, исследования не развеивают сомнения. Именно такое сочетание характеризует ситуацию в отечественной науке и исследовательской практике.

К ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ «СРЕДНИЙ КЛАСС» В РОССИИ

Для удобства дальнейшего изложения мы позволим себе предложить следующую грубую схему истории если не собственно «среднего класса», то попыток приложения этого названия к тем или иным социальным группам.

Есть указания на то, что еще мадам де Сталь пеняла своим российским собеседникам на отсутствие в России среднего класса. Отсутствие такового класса в России, по ее мысли, порождало грубость в отношениях верхов и низов друг к другу. В дальнейшем в России появились социальные субъекты, которые сами себя предлагали на роль «прослойки» или которых на эту роль назначали. В том или ином отношении и дворянство, и духовенство, и купечество, а потом чиновничество выполняли роль посредника. Только во Франции этот класс посредничал между аристократией и прочей публикой, а в России — между властью и нижними классами. Потому и нынешний средний класс содержит в своем культурном коде кое-какие элементы от этих своих исторических предков⁸.

⁷ У автора был случай высказать свое мнение по этому вопросу (см.: *Левинсон А. Г. с соавт.* О тех, кто называет себя «средний класс» // Вестник общественного мнения. 2004. № 5). Оно сводится к тому, что несомненны отличия того, что в России называют «средний класс», от социального явления, получившего такое название в странах Запада. Отличия велики и существенны, и для отказа от применения этого термина к российским реалиям есть веские основания. В то же время само употребление словосочетания «средний класс» в качестве названия и самоназвания для некоторых групп и слоев общества стало фактом, и игнорировать этот факт нельзя. Иначе говоря, для исследователя общественного мнения фактом является не существование среднего класса как реальной социальной группы, но его существование как предмета общественной дискуссии, предмета общественного сознания.

⁸ Надо заметить, что ныне в странах Запада средний класс — не посредник между властью и народом. Он собственно и есть в значительной мере «народ», он же в значительной мере составляет и формирует власть. Нашему нынешнему среднему классу до такого положения очень далеко.

В царской России общество рефлексировало свою структуру через сетку сословных категорий. Сословия изначально выделялись по разным признакам: роду (дворянство), занятию (крестьянство, духовенство, купечество), месту проживания (мещанство, т. е. горожане). К концу XIX в. помимо этих категорий существовали другие названия и самоназвания для описания и самоописания той среды, которая была наиболее заинтересована в социальной рефлексии. Это была категория «интеллигенция», прилагавшаяся дворянством к своему сословию как к образованному. Заметим, это был переход от аскриптивного к достижительному признаку, что позволило далее распространить это понимание на другие, неродовитые общественные группы. Осознание растущего усложнения социальных порядков привело к появлению категории с указывающим на это обстоятельство названием, а именно «разночинцы». Контаминация двух упомянутых видений общества привела к образованию понятия «разночинная интеллигенция».

Как известно, именно этот слой стал средой существования политических взглядов и инициатив, которые в значительной мере определили и оформили результаты грандиозных социальных катаклизмов России в XX в. — трех революций, Гражданской войны и Большого террора. Будучи и жертвой, и победителем в процессах, которые прошли при ее участии, эта социальная группа испытывала проблемы при самоописании. В качестве альтернативы национальным сложившимся представлениям об обществе была использована теория классов. При приложении ее к российскому обществу приходилось выделять в качестве самостоятельного класса мелкую буржуазию. Статус этой категории был сложным: как концепт по своему происхождению, она была вторичной относительно основной категории «буржуазия», но в итоге то охватывала более широкий чем собственно буржуазия, класс городских обывателей, то поглощала еще и значительную часть крестьянства и тогда фактически становилась именем наиболее многочисленного общественного образования. Из этой же среды вышли многие идеологи, пытавшиеся умалить значение своего «родного» социального места.

В советское время их усилиями была внедрена нормативная картина общества. Первоначально это была классовая картина, в которой то находилось, то не находилось место для служащих/интеллигенции как «прослойки». (Продолжавшее существовать определение «мелкобуржуазный» потеряло собственно социальный смысл и приобрело статус политической стигмы. С ее помощью одна из политических группировок, добившаяся господства, расправлялась со своими политическими конкурентами.) Когда политический режим сложился вполне и начал стагнировать, была сделана попытка отказаться от классового видения общества в пользу этатизированного представления. Общество, понятое одновременно как суперэтнос и как объект государственного управления, описывалось категорией «советский народ». В скрытом виде констатировался факт разрастания городского населения за счет как рабочих, так и служащих, т. е. мелкой и средней бюрократии, ее гегемонии в новой общественной композиции.

В это же время появились первые попытки применения к советскому обществу понятия средний класс (в ослабленном виде — «средние слои»). Понятие имплицировало стратификационное видение общества, уйти от которого как раз была призвана концепция новой общности «советский народ». Соблазн в использовании категории «средний класс» заключался в том, что она была способна обозначить становившийся очевидным факт образования слоя, выделявшегося, во всяком случае по условиям жизни и стандартам потребления, при относительно стабильном развитии на протяжении жизни одного поколения.

Наиболее символически нагруженными в этих стандартах были три компонента: квартира, машина, дача.

Исторические изыскания показывают, что в качестве признаков благосостояния, высокого статуса, своего рода социального идеала эта триада сформировалась в сознании рядовых советских граждан в 1950–1970-е гг. потому, что была стандартом обеспечения этого статуса для высших слоев партсовноменклатуры начиная с 1930-х гг. — времени формирования советской «классики» в социальных отношениях и социальной эстетике. Казенная квартира, казенная дача и такой же автомобиль с шофером тогда стали стандартом обеспечения руководящих товарищей. Наличие отдельной городской квартиры резко противопоставляло их массе руководимых, которые проживали в коммунальных квартирах, общежитиях, бараках и домах «частного сектора». Их уделом был общественный транспорт, контрастом которому выступал персональный автомобиль. Загородное второе жилье также было недоступно этим массам. В свою очередь, этот стандарт был воспринят от (или экспроприирован у) побежденных эксплуататорских классов. Особняк или квартира в доходном доме, автомобиль и дача/вилла были атрибутами зажиточного фабриканта, коммерсанта. В этой среде таковые блага были приобретены на собственные доходы. Есть возможность проследить филиацию этого образца к крупной и средней буржуазии от дворянства. Именно в российской дворянской среде XVIII–XIX вв. наличие собственной городской усадьбы, «выезда» и имения в сельской местности сложилось как норма. Исходно эти блага были пожалованы двором, государем, были даны — потому имение и называлось «дача» — и далее передавались по наследству внутри рода. Разумеется, у этого набора были свои истоки в предшествовавшие периоды и свои параллели (и источники) в других странах, но нам достаточно этого экскурса, чтобы увидеть глубокую культурную укорененность этого социального идеала нынешнего поколения россиян. Отметим, что переход этого образца от одного социального носителя к другому всегда совершался в ходе революционных по своей значительности социальных перемен, и всегда этот набор выделял соответствующую группу в обществе как четкий и всеобщепонятный символ или набор символов.

Итак, в позднесоветские годы образовался значительный (исчисляемый миллионами) отряд советских людей, обладавших всеми тремя благами или хотя бы двумя из трех. Их доступность для многочисленной категории населения объяснялась, во-первых, политикой строительства дешевого жилья, распределяемого, а не продаваемого, во-вторых, политикой раздачи малых земельных участков («шесть соток») с разрешением возводить на них небольшие строения, в-третьих, организацией массового производства относительно недорогих автомобилей («Москвич», позднее «Жигули»).

От тех времен у современного среднего класса остались порой квартиры и участки и машины. Но главное — остался паттерн, социальный потребительский критерий, социальный идеал в виде упомянутой триады.

Как известно, трансформации 1990-х гг. привели сперва к «опусканию», социальной деградации значительных частей населения и выделению небольшой группы, резко улучшившей свое материальное состояние («новые русские»).

При состоявшемся кризисе крупного промышленного производства и коллективизированного сельского хозяйства утратили основу в качестве ценностно-наполненных категории «рабочий класс» и «колхозное крестьянство», привычно описывавшие состояние доминантных групп общества.

Господствовавшая в течение нескольких кризисных лет экономика выживания характеризовалась массовым обращением городского и сельского

населения к ручному аграрному производству на так называемых подсобных участках, а также к мелкорозничной торговле, импорту и транспортированию потребительских товаров («челноки»). Исключительный характер этих занятий блокировал осознание их как оснований для социального статуса.

Опросы показывали, что для квалификации своего социального состояния большинство россиян стало использовать понятие «средний слой» или «средний класс», фиксируя промежуточность своего состояния между полным бедствием и подобающим статусом.

Постепенное повышение благосостояния населения, медленное возвращение к докризисным объемам потребления совершалось при новой системе занятий, рабочих мест и статусов. Движение шло от больших (столичных) городских центров к меньшим. Везде в первую очередь возникала система мелких учреждений обслуживания, разрасталась сервисная сфера, дававшая основные занятия высвобожденному с крупных промышленных предприятий рабочему классу. Перемена занятий и масштабов агрегации привела к представлению о деклассировании и рабочего класса, и крестьянства. Появление среды малых частных предприятий в городах изменило их облик и изменило представление общества о самом себе. Естественно, происходящее имущественное расслоение по мере накопления богатства в обществе (что связывают с благоприятной конъюнктурой для экспорта углеводородов) привело к образованию слоя, в известном отношении повторившего судьбу «новых русских» в том смысле, что он выделился на глазах у «всех» (и в своих собственных) по своему потреблению.

Как и в свое время «новые русские», он не мог миновать реализацию давнего социального идеала, описываемого триадой «квартира — дача — машина», наполнив собственными представлениями и стандартами каждый из компонентов этого потребительского идеала.

Этот слой вполне ощутил себя находящимся в середине по шкале потребления.

К нему обратился интерес массового коммуникатора в силу того, что этот класс стал интересен для производителей и продавцов товаров. Это произошло, когда он обнаружил свою относительно большую покупательную способность (как более многочисленный, чем богатый высший класс, и более зажиточный, чем еще более многочисленный низший класс). Приложить к себе определение «средний» уже не в качестве «невзрачный» или «всеобщий», а в качестве «срединный», а то и «центральный», для этого слоя было естественно.

Когда возник первый слой богатых людей («новые русские»), они начали с того, что стали опять-таки обзаводиться квартирами, дачами и машинами, с тем лишь отличием, что все эти блага должны были стать либо особо дорогими, либо брендованными, ценностно-отмеченными.

Явившийся далее на свет слой менее богатых людей (тот, который стал пробовать называть себя средним классом) имел перед глазами все тот же потребительский идеал, но в двух его вариантах. Один — советский, другой постсоветский, новорусский. Новый средний класс потому и был средним, что помещал себя между этими слоями.

Исследования конца 1990-х гг. показывали, что средний класс тех лет строил свою идентичность на частичном отождествлении с двумя названными слоями и частичном противопоставлении себя им же. Совместно со старыми советскими слоями населения он противопоставлял себя как «людей труда» новым богачам, которым богатство свалилось в руки, а не было заработано своим трудом. Но вместе с этими богатыми он противопоставлял себя как зажиточный, новый и живущий по-новому старым (бедным) советским по душевному устройству и

быту слоям. В этих противопоставлениях квартира, дача и машина должны были быть не-«советскими», а новыми, и в чем-то знаково-существенном походить на импортированные новыми русскими образцы «современного» богатства.

Повторим, что исследования тех лет показывали, что социальная группа с этими характеристиками достаточно четко видела свое положение как «среднее», придавала большое значение его атрибутам. Эти атрибуты имели, как тоже уже указывалось, и этическую природу («мы — люди труда», «мы обладаем тем, что заработали своими руками»), и знаково-символическую (вышеописанная «триада»).

ЧТО «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДУМАЕТ О СЕБЕ И СВОЕМ МЕСТЕ В ОБЩЕСТВЕ. НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящей статье приведены результаты нескольких прикладных исследований на тему «Средний класс», проведенных Левада-центром в последнее время, в том числе из исследования, проведенного по заказу НИСП в конце 2008 г.⁹ Мы выбрали те фрагменты, которые показывают, как видят сами представители среднего класса себя в рамках общества в целом. Во всех случаях у заказчика не было сомнений в существовании среднего класса в России, и заказчиком назначались критерии отбора респондентов в качестве его представителей. Разнообразие критериев и оснований подхода практически не сказывалось на результатах. Изучался во всех случаях более или менее один и тот же социальный контингент. В дальнейшем изложении мы будем называть его средний класс, считая, что мы сделали достаточно оговорок об имеющихся сомнениях в применимости этого понятия, в том числе сомнениях самих респондентов, относимых нашими заказчиками к этой категории. (Дословные высказывания респондентов приводятся *курсивом*.)

Самоопределение

В общем и целом можно сказать, что для большинства участников групповых дискуссий последнего времени более актуальными, чем «средний класс», были определения себя как *интеллигенции, среднего звена (в управлении), специалистов, сложившихся людей, ответственных людей, самостоятельных людей*. При некотором нажиме со стороны модератора (а в некоторых случаях и спонтанно) респонденты в большинстве своем соглашались на название «средний класс». Разница между упомянутыми выше определениями и этим в том, что первые являются самохарактеристиками, даются «изнутри», а определение «средний класс» ощущается как *даваемое с точки зрения внешнего наблюдателя*. В наибольшей степени проявили готовность себя определять как средний класс самозанятые и предпри-

⁹ Исследование представляло собой серию групповых дискуссий с представителями среднего класса в столице и одном из областных центров. Критерии отбора участников — и в этом смысле критерии определения среднего класса — были заданы экспертами НИСП. В этом же разделе будут представлены некоторые результаты других исследований Левада-центра, проведенных в том же 2008 г. У этих исследований были другие заказчики, и они предлагали свои критерии отбора представителей среднего класса.

Необходимо добавить, что исследования проведены до того, как кризисные явления развернулись и получили осмысление и устоявшуюся оценку в общественном мнении. Даже если кризис, как ожидают многие, сильно вмешается в судьбу среднего класса в России, мы полагаем, что мнения, собранные в конце весьма важного периода в истории страны и собственно среднего класса, будут представлять большую ценность.

ниматели. Вообще следует сказать, что наибольшее количество признаков и черт, которые принято связывать со средним классом, в ходе данного исследования обнаружилось именно у этих категорий респондентов. Можно было бы представить их как «ядро» среднего класса, а остальные группы — как более близкую или более далекую периферию. Однако эта картина может быть принята только с той оговоркой, что сама принадлежность тех или иных субъектов к этому полю, т. е. к среднему классу в широком понимании этого слова, ощущается разными субъектами по-разному, некоторыми в очень слабой степени. Значит, говорить о едином поле и единой картине следует с большой осторожностью.

Критерии принадлежности к среднему классу

По-прежнему наличие трех компонент описанной выше триады является критерием принадлежности к данной группе¹⁰. Суммарный доход может варьироваться достаточно широко, стоимость каждого из благ также, критерияльным является наличие всех трех.

— *Это не всегда может быть дом, может быть квартира, но машина, дача.*

В этом отношении требования и стандарты за последние несколько лет, как показало исследование, не изменились. Изменениями можно считать «размягчение» требований к каждому из компонент. Четыре-пять лет назад считалось, что жить представитель среднего класса может только в собственном доме (коттедже) либо в новой большой городской квартире.

В нынешнем исследовании попытки части респондентов выдвинуть такие же критерии относительно жилья встретили сопротивление. Респонденты настаивали, что к среднему классу можно принадлежать, имея в том числе одно-, двухкомнатную квартиру. (Но возможна и большая многокомнатная квартира с двумя и даже тремя туалетами.)

Такое же ослабление критериев коснулось автомобиля. Ранее критерием было непременно наличие автомобиля иностранного производства («иномарка»). Отечественные автомобили считались признаком других социальных групп (например, «советского среднего класса»). Теперь считается вполне приемлемым владеть и собственно отечественным («советским») автомобилем, и автомобилем иностранной марки, но произведенным в России, или собственно «иномаркой».

Наконец, в отношении загородного дома можно отметить те же перемены. Помимо нового загородного дома, «родительская дача» — перестроенная или перестраиваемая — также является приемлемым вариантом.

Добавим, что в отношении требований к одежде и аксессуарам наблюдаются те же феномены. Знаковость, символическая значимость этого атрибута снижается. Часть людей по старой памяти называет марки, бренды, но поддержки это не находит. Более существенными требованиями оказываются не символические, а функциональные. Снимаются (и осмеиваются) некоторые табу, например, запрет покупать одежду на рынке (раньше разрешалось только в магазине или в бутике).

¹⁰ Проверка средствами количественного исследования показывала, что обладатели вышеназванной триады благ все без исключения помещали себя в подразделы среднего слоя. При этом собственники старых советских благ оказывались в основном в «среднем среднем», собственники этих благ в их новом, постсоветском варианте — в «верхнем среднем». Именно его некоторые наши заказчики — специалисты по культуре потребления в разных странах — и предлагают считать собственно российским средним классом.

Высшее образование, профессия и даже занятие/должность такой высокой корреляции с самоопределением себя как «высший средний» (то бишь «средний класс») не дают.

За ослаблением названных критериев можно видеть несколько важных процессов, идущих одновременно.

Прежде всего это «взросление» класса. Известно (и проверено на опыте «новых русских»), что на первых фазах сложения социальной группы требования к поддержанию групповых стандартов потребления, символов групповой принадлежности наиболее примитивны и жестки. В отношении среднего класса это выразалось, например, в наличии «модных марок» одежды, в превращении обуви и часов в знаковые элементы мужского облика.

Сейчас, как сказано, наблюдаются лишь следы такого отношения к этим атрибутам.

Менее жесткими стали и другие критерии принадлежности к среднему классу. Доход как таковой не столь важен. Важнее распоряжение этим доходом. Теперь заходит речь не только о потреблении, но и о вложениях денег. Значительная часть тех, кто относит себя к среднему классу, приобретает недвижимость в качестве средства вложения денег. Про способы проведения свободного времени, места отдыха и прочее говорится, что *люди выбирают сами, кто как*. Фиксируется одновременно существование нескольких мод. Одни еще *ездят на пляжи*, другие уже перешли к *культурному туризму*. Одни продолжают осваивать места по всему земному шару, другие начали возвращаться к отдыху в отечестве. Иначе говоря, внутри среднего класса начали появляться подгруппы, собственная внутренняя структура, социальный контроль по этим параметрам стал переноситься с уровня группы в целом на уровень подгрупп или интернализироваться, вместо мод стали появляться вкусы, словом проявилась классическая феноменология образования больших социальных общностей.

Место среднего класса на общественной лестнице

Нашими респондентами обсуждалась картина стратификации в российском обществе, и им предлагалось указать, какие социальные категории, по их мнению, находятся на более высоких ступенях, чем средний класс, а какие — на более низких.

Слоями и группами, которые находятся на более высоких социальных ступенях, называют, как правило, две категории. Мы можем назвать их буржуазия и бюрократия, правда, респонденты никогда этими определениями не пользовались. Они выражались так:

- *большой бизнес;*
- *частные предприниматели;*
- *хозяева предприятий, крупных предприятий;*
- *банкиры.*

Другая категория:

- *политики высокого ранга;*
- *депутаты;*
- *чиновники;*
- *работники администрации;*
- *правительство, администрация.*

Очень показательно, что «выше» теперь не одни «олигархи» и «новые русские», как это казалось среднему классу несколько лет назад, а заменившие их «банкиры» и «крупный бизнес», а также вообще не упоминавшиеся тогда целых два слоя бюрократии: «чиновники» и «администрация».

С раздвоением федеральной власти на президентскую и премьерскую части может как-то поменяться статус президентской администрации, что в свою

очередь как-то скажется и на делах на региональном уровне. Но если говорить о ситуации, зафиксированной исследованием, — а это ситуация, складывавшаяся на протяжении двух сроков путинского правления, — то слово «администрация» приобрело ясное значение эквивалента слову «власть», при этом не в отвлеченном, а в конкретном смысле слова применительно к данному уровню административной иерархии. Характерно, что средний класс принимает эту власть = администрацию не только как власть, но еще и как авторитет.

Респонденты в регионах говорили о превращении высшей (краевой) бюрократии в буржуазию. Никаких возражений, надо отметить, этот переход у респондентов не вызывает, скорее, напротив. Человеческий тип предпринимателя им ближе, чем тип чиновника. Более того, как показывает исследование, наши респонденты из среднего класса, занявшись в свое время бизнесом, пережили существенную трансформацию во всей своей интеллектуально-эмоциональной сфере. Они помнят и ощущают этот переход до сих пор. (Он был так труден, что в мечтах, как некоторые признались, они бы вернулись назад, на свои должности научных сотрудников и инженеров.) Для них это было движение от нормального советского человека к человеку новой формации, от менталитета служащего — де-факто нормативного и доминантного в позднесоветское время — к менталитету предпринимателя. Поэтому подобный переход, совершаемый теперь каким-либо из служащих, им понятен и ими приветствуется.

— *Во-первых, нужно поменять мышление. Потому что к среднему классу, по прогнозам правительства, относится и категория служащих. Но «служащие» и «богатые» — категории полярные и несовместимые.*

Изменилось и отношение к тем, кто стоит выше, потому что богаче. Точнее, оно стало более сложным. С одной стороны, сохранилось презрительное отношение к тем, кто разбогател не в результате собственных усилий (в отличие от среднего класса):

— *Тот, кто к деньгам имеет доступ.*

— *У кого дяди и тети.*

Но, с другой стороны, проявилось уважительное отношение к более крупному бизнесу. Во-первых, объективно оценивают их более широкие возможности в смысле маневра средствами. А во-вторых, ценят другой тип обращения с деньгами:

— *Классы, которые выше, обладают немножко другим мышлением, т. е. для них деньги — не средство потребления, а средство инвестиций и вложений. Люди (из высших классов) умеют рисковать, обращаться с деньгами, инвестировать, заставить деньги работать.*

— *Я хотел сказать, что у того класса более определена цель, чем у нас, потому что они в своей стихии — свою стихию развивают, мы же, по сути, получаемся, только определяемся, чего добиться.*

Ситуация на прошлом этапе определялась тем, что средний класс чувствовал свое моральное превосходство над теми, кто над ним, так как их статус определяли незаработанные деньги. Но у этого высшего имущественного класса средний брал для подражания (в более скромных масштабах) потребительские стандарты.

Теперь, как мы видим, в качестве объекта для подражания в потребительском поведении выступила и бюрократия. А в качестве образца предпринимательского поведения стал рассматриваться крупный бизнес, к которому уже не применяют негативно окрашенное определение «олигархи». Против «олигархов» средний класс прошлых лет стоял плечом к плечу со всем трудящимся классом. Теперь же он свидетельствует свое уважение к крупным бизнесменам с позиций

среднего и малого бизнеса — как более старшим по рангу, опыту и масштабам дела. Очевидно, такие перемены надо связывать не столько с судьбой среднего класса, сколько с процессами в более высоких статусно-доходных слоях.

Можно предположить, что экономические успехи последних лет, чем бы они ни определялись, приносили обогащение в первую очередь в верхние слои общества. Для развития крупного бизнеса условия оказались наиболее благоприятными. Судя по реакциям наших респондентов, на этих высших уровнях происходило не только повышение потребления, но и освоение этих средств как капитала, развитие собственно предпринимательства, бизнеса как профессии.

Насчет того, кто расположен на статусной лестнице ниже, чем средний класс, не было согласия. Для одних социальное дно совсем близко, для других ближайшие соседи по шкале — *пенсионеры*. Третьи высказали самую распроданную точку зрения в современной России:

— *работники бюджетных организаций.*

Можно думать, что дело не только в том, что по шкалам дохода или потребления это ближайшие к ним группы. Скорее, это бывшие «одноклассники» по пребыванию в советском среднем классе — городской служилой интеллигенции. Но нынешний средний класс — это те, кто оттуда ушел, а «бюджетники» — те, кто остались.

Характерно, что здесь же предлагается объяснение бедственному положению масс народа:

— *Промышленности как таковой нет, какой может быть достаток у народа?*

Объяснение, как видим, относится к очень характерной постиндустриальной ностальгии по индустриальному этапу. Объяснение кризиса и прочих социальных бед тем, что *развалили промышленность, заводы стоят (или лежат)*, является общепринятым. Часть представителей среднего класса разделяет с широкой публикой эти воззрения. Они, как можно заметить, имеют типичный патерналистский характер. (Но только в перевернутом виде.) Никакой ответственности за происходящее в стране у говорящего быть не может, поскольку без его участия и согласия некие силы все развалили, его бросили на произвол судьбы.

Но в дискурсе среднего класса, что было выяснено еще несколько лет назад, по поводу нижележащих слоев есть совсем другой подход.

— *У нас есть люди, которые не хотят работать, но хотят деньги получать.*

— *Только «хочу-хочу», а начинать по крупиночке, по ступенькам — их нет.*

Им [тем, кто ниже] комфортно, удобно в этой позиции, Желание есть, но только «хочу», а действий никаких.

Представители среднего класса, создававшие свое достояние «по ступенькам», сравнивают себя с ними и находят основание для превосходства.

— *Мне кажется, что как раз мышление у среднего класса выше.*

Малоимущий слой населения либо не замечает возможностей, либо просто... не хочет их замечать.

Ограничимся заключением, что проблематика формирования предпринимательского класса сложна в любом обществе. В нашем она дополнительно осложнена тем, что черты политической системы, господствовавшей на протяжении трех поколений, были трансформированы в когерентные им антропологические характеристики. И наоборот, антропологические, личностные, характерологические, возможно, даже психофизиологические черты и синдромы приобретали закрепленное политическое измерение и оценку. Инициативный подвижный тип, как показало исследование, и сей-

час еще должен себя утверждать вопреки этим сохраняющимся культурным следам былой политической системы. (Вейния в сторону ее реставрации до изучаемых слоев еще не дошли или не осознаны здесь.)

Оценка своих перспектив

В проблематике групповой идентичности изучаемой части российского общества играет особую и значительную роль тот факт, что это первое поколение современного среднего класса. Эти люди, как и в свое время «новые русские», перешли в новое социальное положение уже взрослыми. *И все бросились зарабатывать деньги.*

Так, в дискуссии о том, в каком возрасте выходить замуж, заводить детей, женщины-предприниматели указали «современные» нормы — выходить замуж ближе к 40, тогда и рожать, иметь двоих-троих детей. Но сами они находятся в другой демографической ситуации (брак и рождение единственного ребенка в 22–25 лет). *На нас не смотрите, ведь мы еще оттуда.* Ощущение новизны своего положения еще не прошло.

— *Поскольку средний класс только формируется, мы все находимся в том поколении, когда только зарабатываем материальные ценности. Если сравнивать с заграницей, там средний класс уже «дома». И все. И они больше могут жить в свое удовольствие.*

На этом фоне интересны сигналы о том, что какая-то часть среднего класса в столице уже закончила период первоначального накопления.

— *Во многом очень успешные, но очень уставшие.*

— *Многие уже отказались от гонки за материальными ценностями и выстраивают свои потребности таким образом, чтобы тех денег, которые они зарабатывают пассивным способом, сдавая квартиру, например, им хватало.*

— *Я боюсь, это московский синдром, потому что питерский средний класс на подъеме, на энтузиазме.*

В ходе дискуссии ставился вопрос относительно перспектив среднего класса в целом. Вопрос рассматривался в том числе в связи с известным респондентам заявлением высших руководителей страны о том, что к 2020 г. средний класс у нас составит 60% населения. Поскольку вопрос о динамике и перспективах своего существования как класса респонденты напрямую связывали с экономической (иногда и социально-политической) ситуацией в стране, сюда примкнула и тема стабильности.

Необходима оговорка: приводятся фрагменты из исследования, проводившегося до **развития кризисных явлений в стране.**

Вот вполне оптимистические мнения об экономической ситуации в одном из регионов:

— *Уровень у нас улучшается. Раньше среднего класса было процентов 15, действительно среднего. Сейчас это число увеличилось значительно, уровень поднялся. Но это в нашем крае.*

Позитивная динамика ожидается и по стране в целом:

- *больше стали зарплатить;*
- *люди стали больше путешествовать;*
- *люди могут позволить себе такие машины, каких раньше не было;*
- *жилье, машины.*

В ближайшие три-пять лет доля среднего класса в России вырастет или уменьшится?

- *Вырастет однозначно.*
- *Вырастет.*

- *Растет, растет.*
- *Это будет зависеть от экономической ситуации в стране. Если она сохранится, то, я думаю, изменения будут, но незначительные, в положительную сторону.*

Много говорилось о том, что перспективы роста среднего класса связаны со стабильностью. Дискуссии о стабильности показали, как и следует ожидать, что это категория-дериват, чаемое благо, недостигаемое в силу того, что кажется людям реальностью, такой же, как хорошая погода или устойчивая конъюнктура, а на деле есть их проекция, описание их беспокойств и неуверенности.

Некоторые респонденты указали в своих ответах на невозможность стабильности при ее желательности:

— *Я думаю, что стабильность для нашего общества желаема, конечно, но невозможна, потому что любое развитие рыночных отношений не предусматривает стабильности.*

— *А неоткуда взяться стабильности. Неоткуда!*

Поэтому стабильность всегда либо в прошлом, либо в будущем, либо в воспоминаниях, либо в надеждах.

О стабильности как о главном достижении путинского периода говорили многие (хотя, как увидим, не все). Но у двух разных эшелонов среднего класса было различное отношение к ней. Предприниматели и самозанятые твердо связывают свое положение и достижения с собственными усилиями либо со счастливым стечением обстоятельств. Конъюнктуру 2000—2008 гг. никто из них не отмечал специально как особо благоприятную, из ответов на вопрос о том, какие годы они считают наиболее успешными, можно сделать вывод о том, что у большей части из них бизнес наиболее успешно развивался в 2002—2006 гг. Но и эти респонденты не видят прямой связи между «успехами российской экономики» и собственными успехами. Саму стабильность они рассматривают как всего лишь отсутствие потрясений.

По-другому обстоят дела у такой категории респондентов, как государственные служащие — руководители среднего звена в госучреждениях столицы. Эта часть среднего класса связывает 2000—2008 гг. с наибольшими успехами и достижениями в сфере потребления и благосостояния. Это именно они лидируют по ощущению *стабильности всех сторон жизни*. Сравнение самоотчетов, данных подгруппой предпринимателей и подгруппой солидных госслужащих, подтверждает догадки о том, что сложившийся в стране к началу 2000-х гг. хозяйственно-политический порядок, который называли государственным, или бюрократическим, капитализмом, за последующие годы стал существенно больше государственно-бюрократическим и существенно меньше — капитализмом. Так или иначе, именно бюрократы на верхних ступенях оказались основными бенефициарами этого вполне особенного периода отечественной истории.

Хотя респонденты ожидали роста среднего класса, намеченный в выступлениях высших руководителей страны рубеж: к 2020 г. превратить абсолютное большинство населения страны в средний класс — встречен скептически многими участниками.

Руководство страны ждет и предполагает, что к 2020 г. средний класс будет составлять в целом по стране 60–70%. Ваша оценка?

- *Не верю.*
- *Трудно верится.*
- *Смотря кого считать средним классом, каковы критерии оценки.*
- *Мне кажется, срок очень маленький.*

— 60% вряд ли. Слишком маленький срок. Конечно, меняется мышление, но за 10 лет достичь среднего уровня, исходя из того, что сейчас 20%?! Я считаю, что цифры преувеличены.

— Очень мало времени, даже если сравнивать с другими странами, у них это из поколения в поколение передавалось, а мы...

— На сегодняшний день, конечно, что-то заложено, какой-то фундамент есть, но до 60% вряд ли.

Есть и «теоретические» возражения.

— Мне кажется, что 60% нереально. Если, допустим, 60% будет только средний класс, он должен за счет кого-то жить. Мне кажется, система нарушится, не получится.

— Баланс нарушится.

Достаточно часто даже оптимисты находили чрезмерным оптимизм властей.

— Рост будет все равно, но не факт, что на 60%.

— Они (ожидания) верны, только завышены.

Находились и поводы для полного согласия с этой программой. Но ее считали выполнимой при возникновении принципиально иных условий:

— Иностранцы эксперты говорят, что как только в мире упадут цены на нефть, у нас будет больше возможностей для создания нормальных условий для бизнеса.

Встречались рассуждения, подводящие вполне серьезную базу под пессимистический прогноз. Один из участников отмечает, что ингибирующий эффект от вмешательства властей в экономический процесс подрывает воспроизводство предпринимательского класса.

— Мне кажется, что наша страна развивается по пути государственного капитализма. Власти сильно влияют на рыночные механизмы. В силу этого, конечно, у подрастающего поколения не вырабатывается желание работать и начинать свой бизнес самостоятельно. Поэтому и не будет развития. И мы зайдем в тупик.

Но наряду с этим есть категория ответов, в которых также содержится апелляция к власти и выражение упований, надежд на ее регулирующее влияние.

— И как говорит Путин, а сейчас и Медведев: все больше и больше развивайтесь, и меньше препонов будет.

— Вроде правительство старается средний класс нарастить.

— Да, потому что Путин говорил, что надо поднимать именно среднее предпринимательство, чтобы лучше развивалась экономика, — это слова из его выступления.

Респонденты фиксируют разрыв между обещаниями/указаниями/сигналами высшей власти, и действиями ее нижних эшелонов — тех, с которыми им приходится непосредственно иметь дело:

— А я считаю, что власти вроде бы хотят помочь малому бизнесу и в то же время его потихонечку душат.

Предприниматели отмечали усиление поборов после того, как прозвучало обещание Д. Медведева избавить малый бизнес от лихоимства чиновников.

— После обещания [Д. Медведева] о том, что мелкий бизнес перестанут трогать, что перестанут с проверками приходить, мы-то, конечно, были рады. А они [«проверяющие»] сначала немножко притихли, а потом так навалились! Чтобы успеть, потому что, мы не знаем, что будет завтра.

Политические взгляды

Политические взгляды «среднего класса из учебников» должны быть либеральными. Либерально-консервативными по желанию одних теоретиков из

этого класса, либерально-прогрессистскими — по желанию других. Миддл-классовая этика и эстетика, как и политические предпочтения, в любом случае должны отличаться устойчивостью и основательностью.

Если сделать шаг назад и посмотреть на те же явления в рамках предшествовавших политических парадигм, то средний класс предстанет в качестве «мелкобуржуазного», а его политическим взглядам будет приписываться, напротив, неустойчивость, ненадежность, склонность к крайностям, «политической истерике», экстремизму (не в нынешнем смысле слова).

Наконец, если видеть в среднем классе «обывателей», «мелких лавочников» и «мелкое чиновничество», то по отечественной традиции от них следует ожидать склонности к ультраконсервативным крайнеправым взглядам с приверженностью к ксенофобии, урапатриотизму, великодержавности, монархическому строю и т. п.

Эти исторические прецеденты, похоже, не описывают воззрения современного среднего класса, хотя в них можно найти элементы всех вышеназванных тенденций.

Исследование показывает, что у представителей среднего класса нет никаких особенных или собственных политических взглядов. Они также не едины в своих политических воззрениях. Если их что и объединяет, то это сниженный (по отношению к нашим ожиданиям) интерес к политике.

— *А мне как обывателю все равно. Если мне хорошо жить в стране — этого достаточно. Я, по-хорошему, не должна знать, кто у меня президент. Я должна получать достойную зарплату, воспитывать детей и все иметь.*

— *Мне вообще кажется, политика своей жизнью живет, а средний класс своей.*

— *У нас есть очень много тем, которые можно обсудить, а до политики обычно дело не доходит.*

— *Люди перестали верить власти, уделять внимание политике, перестали смотреть телевизор.*

— *Просто все отлично понимают, что власть не права. Политикой интересуются в той мере, в какой это людей касается.*

Средний класс демонстрировал различные варианты отношения к выборам. Наиболее важным с точки зрения интересов настоящего исследования, очевидно, надо считать стремление быть лояльными к власти и признать, одобрить подмену выборов символической демонстрацией этой лояльности. Примечательно, что это признание всегда сопровождается оговоркой, призванной показать, что субъект сохраняет за собой готовность к критике. Этим доказывается, что лояльность носит вынужденный характер и пришла на смену совсем иной системе взглядов, задававшей прежнюю (в духе 1990-х) идентичность среднего класса.

— *Понимаете, Медведев так и так бы прошел. Зачем-то ему еще процентов добавили.*

— *Зачем нужны такие затраты на выборы, если он заведомо будет президентом?!*

Были и прямые критические высказывания.

— *Плохо то, что, во-первых, информации нет достоверной, а отсюда все что угодно можно творить.*

— *Убрали «против всех», не дают высказаться.*

Но отношение других участников на фокус-группах к таким высказываниям было, как правило, подчеркнуто отчужденным. Их никто не оспаривал, но никто и не поддерживал. Они повисали в воздухе.

Все небогатое разнообразие политических позиций среднего класса укладывается в четыре ответа на вопрос:

Вы поддерживаете ту политическую силу, которая сейчас находится у власти?

- *Нет, если мы не ходили, значит, не поддерживаем.*
- *Нет, если бы мы ходили, то не отдали бы свой голос за нее.*
- *Нет такой привычки — ходить на выборы, средний класс аполитичен.*
- *Все равно, действующую власть так или иначе приходится поддерживать среднему классу.*

Как видим, представлены основные позиции, и сам факт отсутствия действительного разнообразия этих позиций говорит о том, что мнения представителей среднего класса по этим вопросам не отличаются от мнений всей публики в целом.

Как уже говорилось, российский средний класс, по крайней мере на сегодняшнем этапе его развития, не отвечает стандартным представлениям о его либеральной политической ориентации:

Лет 10 назад люди такого типа, как вы, поддерживали демократов, либералов. Это так?

Был получен весьма развернутый ответ:

— *Лет 10 назад немного другая ситуация со средним классом была, его было не так много, и люди, которые хотели быть средним классом, хотели, чтобы в стране происходили необходимые им экономические реформы, и эти партии были локомотивом демократических изменений. Почему реформаторы ушли? — они сделали свое дело. Почему они не появятся снова на политической сцене? — те преобразования, которые тогда были необходимы, им уже не нужны.*

Есть и ответ, отказывающий либералам в актуальной востребованности, но оставляющий надежды на будущее:

— *Мне вот кажется, эти ребята пришли не в свое время, и они уйдут. Может быть, пройдет время, и, может быть, уже не они, но люди с таким мировоззрением опять появятся.*

В унисон соответствующим мнениям в широкой публике, некоторые утверждают, что они за демократов, но «современных»:

— *Ну, мы же Путина поддерживаем, и Медведева тоже.*

Но вообще ответом об отношении к демократическим силам в основном являются заявления о собственной аполитичности:

- *Я вообще ни с какими партиями. Не верю никому.*
- *И я тоже.*
- *Я беспартийная.*
- *Да, только бизнес.*

Итоги дискуссии по этой теме подводит прямой ответ на прямой вопрос:

Если появляется партия, которая говорит: «Мы за рыночные реформы, за дальнейшее развитие свободного предпринимательства», то...?

— *Никто не поверит этой партии.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Потребление как критерий

В своем «классическом» историческом варианте — в Западной Европе и Северной Америке в XX в. — средний класс, сложившись, выработал сильную и определенную идеологию, тип мышления, эстетику и характер вкусов. Его

идеология (как в свое время так называемая мелкобуржуазная идеология) оказалась настолько сильной, что внутри себя доросла до высоких форм собственной философии и культуры, а также оказалась способна к экспансии вовне. Об этом свидетельствовали дискуссии, скандалы по поводу ее «наступления», множественные протесты и пр.

В российских обстоятельствах, как приходилось отмечать, средний класс складывался с самого начала с примечательной пустотой на месте, где должны закладываться идеология и производные от нее политические, эстетические и прочие взгляды.

Собственное и неповторимое в этосе среднего класса связано с предпринимательской активностью части его членов. Члены этой общности больше, чем другие в российском обществе, верят в свои силы. В какой-то мере эти черты самопредставления характерны и для других частей класса. Средний класс воспринимает себя как находящуюся в середине общества группу, но слабее, чем раньше выражает мнение **о своей образцовости, авангардности.**

На протяжении последних лет многократно отмечался сравнительно медленный рост массовой (нижней и средней) части предпринимательского класса (по некоторым воззрениям, нулевой рост, стагнация, а то и убыль). Столь же часто отмечался активный рост бюрократии, чиновничества. Здесь можно говорить и о количественном росте этой социальной группы, и о накоплении ею всевозможных форм социального капитала. Так называемые служащие (а ими у нас называются только служащие в государственных и муниципальных учреждениях) во многих случаях близки по доходам к представителям среднего класса из сегмента самозанятого населения. С учетом сравнительно молодой и бедной культуры потребления эти категории при принципиально разных источниках своего благосостояния именно в аспекте потребления обнаруживают себя неразличимыми.

Как было сказано, средний класс задается через признаки и критерии потребления. Российский средний класс потому не мог не принять в себя значительную долю служащих. Не делая попыток рассчитать соотношение «членов среднего класса» по их социальному положению и источникам дохода, рискнем предположить, что в российском случае доля государственных служащих в нем будет очень высока. Точнее надо сказать так, что в российском обществе в целом соотношение самозанятых и состоящих на государственной службе резко сдвинуто в пользу вторых. Соответственно, в том социальном сгущении, которое получает сейчас наименование «средний класс», присутствует эта особенность.

Та часть среднего класса, которая принадлежит к предпринимателям, а значит, собственникам, по самой специфике их занятия обязана относительно резко отличаться по доходам и способу их получения от людей, работающих по найму, тех, кто окружает предпринимателей. Наше исследование достаточно ярко показало, что эти люди сознают свое отличие, свою миссию, ответственность и пр. от остальных, не являющихся предпринимателями.

Что касается служащих, в их среде наблюдаются значительные различия между находящимися на разных концах карьерно-статусной лестницы. Но резких границ на этой шкале нет. Потому часть служащих, которая может быть отнесена по своим характеристикам потребления к среднему классу, во многих других отношениях не видит и не имеет границ с менее зажиточными представителями многочисленной категории служащих.

Дополнительно отметим следующее. Исследования недавних лет показывали, что присоединяющиеся к некогда четко очерченной группе новые слои (также считающие себя и называемые другими «средним классом») не имели таких четких моделей идентификации. Они присоединялись к «первому» среднему классу в основном по признаку сходного уровня дохода и, соответственно, потребления. Ведь по бедности нашей социальной жизни этот исходный средний класс с исчезновением «новых русских» со сцены остался единственным носителем образцов потребления.

С учетом продолжающихся дискуссий об объеме и внутреннем составе среднего класса, а также о его месте в обществе мы можем предложить в качестве рабочего приема следующее представление.

Каковы бы ни были размеры собственно среднего класса, его ядра, относительно которого имеется наибольшее согласие по поводу принадлежности к среднему классу, вокруг него, безусловно, находится широкая периферия. Это «протосредний класс», как предлагают называть его одни исследователи. Это часть населения, которая ориентируется на средний класс как на свой социальный идеал.

В значительной мере эти ориентации сосредоточены в сфере потребления и потребительских стандартов. В какой-то степени средний класс служит образцом в плане поведения, деловой культуры, рациональности. Существенно, что в ходу, по сути дела, всего один, пусть и обширный, набор образцов, и разница состоит в полноте усвоения этого набора.

Указывая именно на потребление и на предметы потребления как на критерии определения и самоопределения группы, называемой (нами) «средний класс», мы тем самым указываем на приоритет таких критериев перед иными (образование, профессия, собственно доход и др.).

Повторим, что теперь, после того как проведен цикл исследований по «среднему классу», можно с еще большей уверенностью указать на то, что в России, как и в некоторых других странах, к «классическому» составу среднего класса из самозанятых людей и менеджеров больших фирм прибавляется все больше государственных служащих. Их сближение происходит именно на основе равных возможностей потребления. Результатом чего и становятся одинаковые модели потребления.

Этос

История последних фаз советской эпохи способствовала тому, что именно массовая бюрократия, служащие превратились в модальный тип «советского человека» — человека вообще, каким его представляли себе в Советском Союзе. В современной России, не успевшей за годы после распада СССР полностью выстроить собственные институты, а потому и собственные взгляды, вкусы, ценности, публика сейчас вынужденным образом заимствует и пускает в новый социальный оборот воззрения, ход мысли, социальные расклады давно, казалось бы, оставленной действительности. Это вполне относится к комплексу представлений, связанных с положением служащего в его качестве человека, собственно человека¹¹. Благодаря сочетанию указанных

¹¹ Характерно, что социальным идеалом для молодых людей стал и продолжает быть кто-либо из представителей среднего класса — юрист, экономист, банкир. Фактически же многие из молодых людей предпочитают карьеру государственного служащего и в этом качестве вливаются на определенном этапе в средний класс.

обстоятельств современный российский средний класс оказывается связан с обществом в целом, а член среднего класса — с «человеком вообще» именно через этос госслужащих.

Для невозникновения собственной идеологии у среднего класса есть несколько причин — от исторического и общесоциального до прямо политического рода. Сказанное выше призвано объяснить, почему при отсутствии своей специфической идеологии российский средний класс на ее месте имеет тот комплекс взглядов, принципов, ценностей, а также символических средств, который сейчас выступает в качестве всеобщего (общероссийского, общенационального) либо «никакого», невидимого, как воздух. Но при этом заданного своим основным и модальным носителем — госслужащим.

Латентная «государственность» этой массовой системы взглядов, массовой культуры может быть без труда усмотрена, начиная с той фокальной роли, которую играет в ней понятие государства. В силу описанных выше причин эта система взглядов оказывается и национальной, то есть ей можно приписать качества российской, русской, славянской — словом, «нашей».

Мораль и нравственность среднего класса, его взгляды в нынешней России не отличаются, как показывает наше исследование, от этого комплекса. Из этого следует несколько важных социальных обстоятельств. Российское общество, находясь по ряду признаков в постиндустриальной фазе, в части культуры оказывается (довольно неожиданным с точки зрения социологической классики образом) обществом с массовой культурой и в определенном смысле — массовым обществом. Это, как известно из упомянутой классики, обычно есть признак и атрибут обществ на индустриальной фазе, фазе массового промышленного производства и пр. Российское общество, имея весьма специфическую экономику, скомбинированную из малого, но высокодоходного сырьевого сектора и большого низкооборотного сектора сервиса и госслужбы, в плане механизмов культурного и символического управления представляет собой слепок с иного общества. За неимением других моделей оно использует советские матрицы. В итоге, с образованием среднего класса в нашем обществе проступила и распространилась феноменология отнюдь не миддлкласса, а махрового массового общества и массовой культуры с символическими формами, настолько анахронистичными, насколько они выглядят и воспринимаются «родными».

О стабильности

Идеал стабильности, как показывали наши исследования, есть форма зависимости россиян от власти. Расхожие объяснения, чем плоха нестабильность — *отсутствием уверенности в завтрашнем дне* — уводят от подоплеки истинного страха нестабильности. Нестабильностью называют на самом деле ситуацию, при которой россияне не уверены в незыблемости власти. Нетвердая власть или безвластие воспринимается как национальное бедствие.

Бедствие, но, не катастрофа. В этих обстоятельствах включаются резервные программы гражданского самоспасения. В таких и именно в таких обстоятельствах бывшие служащие получают общественную санкцию на занятие таким позорным, неподобающим делом, как *спекуляция*, торговля.

Именно в таких обстоятельствах дебютировала значительная часть современного малого и среднего предпринимательского класса, а значит, среднего класса. Но эти обстоятельства помечены в нашей культуре негативным знаком. Стабильность же воспринимается позитивно. И в силу названных

причин стабильностью называется не незыблемость цен или курса рубля, законов или правоприменительных практик. Стабильностью называется убеждение в прочности власти.

Средний класс в России, как показало исследование, **не имеет и не собирается иметь собственные политические взгляды**. В этих обстоятельствах политический лидер, который стал бы себя позиционировать как лидер среднего класса, мог бы без труда заявлять себя и как лидер всех. Собственно, об этом свидетельствуют редкие, но характерные попытки объявить, что В. Путин или Д. Медведев — политики (от, из, для) российского среднего класса. Это так же верно, как и то, что это политики «ничьи», президенты «всех россиян».

Склонности поддерживать партию оппозиции (даже если бы она существовала) средний класс не проявляет. К либеральной оппозиции 1990-х гг. и первых годов нового века интереса не выказывает. **Никого из политиков не считает «своим» и собственных политиков иметь не собирается**. Доверяет нынешнему руководству страны. Представители среднего класса в целом не ждут в ближайшее время фундаментальных перемен. Но на глубинном уровне остается надежда, что когда-то либеральные ценности вернуться на свое место.

Как известно из опросов общественного мнения, «стабильность» являлась основным дефицитом и основным желаемым социальным благом для самых широких слоев общества, чье существование было расшатано пертурбациями 1990-х гг. Стабильности искал и правящий слой, до поры не уверенный в основательности своего положения и прочности создаваемого нового режима.

В этих условиях пришлось как нельзя более кстати идея о среднем классе как основе стабильности в обществе. Именно средний класс, как ориентированный на потребление и другие консервативные ценности, представлялся хорошей опорой и для общества, и для политического режима.

Рост популярности идей о роли среднего класса явно обгонял рост самого среднего класса. Он мог соревноваться только с ростом возражений по поводу самой возможности существования среднего класса в России, применимости этой социальной квалификации к российским социальным феноменам и т. п.

Политическая потребность в стабильности была, наконец, удовлетворена — если судить по реакции широкого общественного мнения. Можно указать на то, что нашедшиеся для этого средства имели совсем иную природу, нежели создание «крепкого среднего класса» на базе малого и среднего бизнеса (как это мыслилось авторами соответствующих идей).

Если говорить о массовых социальных процессах, то шло ускоренное размножение категории государственных служащих. Успокоение общества и обретение им чувства стабильности произошло, что не странно для России, на почве укрепления государства и его институтов, прежде всего силовых. Тому же способствовало отчетливое усиление централизации, концентрации власти и сосредоточение ее в символической точке — фигуре высшего должностного лица. Удовлетворение такой конструкцией россияне устойчиво и с нарастающим энтузиазмом выражали на протяжении восьми лет правления В. Путина.

Размножившийся в эти годы средний класс выступил не основой стабильности, а ее едва ли не главным потребителем, в этом смысле благополучателем. Вместо классической схемы: многочисленный средний класс с прочными экономическими позициями создает массовую консервативную политическую партию, которая выдвигает и прочно поддерживает «свою» политическую власть, — произошло иное.

Власть своими средствами укрепила свои позиции, в том числе за счет поддержки слоев, многократно более массовых, нежели средний класс. Далее власть создала собственную массовую политическую партию, но не на социально-классовой основе, а на основе политической лояльности и контроля. После реализации этих задач власть выдвинула (среди прочего) лозунг умножения среднего класса и превращения его в социальный гегемон (60–70%) к 2020 г. Средний класс демонстрирует полную лояльность к власти, но, как неоднократно отмечалось, этот социальный план пока не принял. Стабильность он воспринимает не как результат собственного существования, а как его условие. Соответственно, гарантом стабильности этот класс видит не себя, а власть.

Средний класс для общества в целом

Появление в российской действительности среднего класса, превращение его имени в ценностно окрашенную семантему, годную для риторического употребления, имеет такие следствия. Во всеобщую и массовую культуру теперь легко и социально-обоснованно проникают элементы, которым полагается быть атрибутами культуры среднего класса. Это касается как стилей массового поведения, так и жаргона политиков. Но в то же время средний класс, растворенный в описанной выше массовой культуре, не имеющий своих идеологических и культурных барьеров/фильтров, вынужден принимать ее во всех ее проявлениях. Что в свою очередь выражается в стилях массового поведения его членов и в жаргоне «его» политиков. Исследование подтвердило, что представители среднего класса не имеют полагающегося им иммунитета к массовой культуре/идеологии и пользуются ею как/вместо собственной. Мы застаем средний класс на весьма интересной фазе. Проходит процесс его становления, опривычивания и одновременно утрачивания им своей специфики как группы с собственной ментальностью. **Процесс, который можно было бы считать становлением среднего класса в России, может одновременно расцениваться как процесс его растворения в обществе в целом.**

Закончим тем, с чего начинали. Возникновение среднего класса в России лучше всего удостоверено обилием заявлений о его отсутствии, о неправомерности употребления этого термина в наших условиях и т. п. Как отмечалось, даже наши респонденты готовы использовать это словосочетание как самоназвание только с неперенными оговорками.

Отрицание среднего класса является таким же социальным фактом, как и его утверждение. Участвовать в споре на любой из сторон бессмысленно. Напротив, **фиксировать группу социальных и культурных феноменов, фокусирующуюся в современной России вокруг этого топоса, — интересная и социально важная работа.**

ЛИТЕРАТУРА

Левинсон А. Г. и соавт. О тех, кто называет себя «средний класс» // Вестник общественного мнения. 2004. № 5.

Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой — Московский Центр Карнеги — М.: Гендальф, 2003. — 506 с.